

Не найдется ли у вас розового слона с голубыми ушами?

Феодосий ВИДРАШКУ

Рассказ

Над Центральной Европой вопреки законам движения воздушных масс застыл долговременный циклон. Синоптики утверждали, что где-то там, наверху, он мечется, бушует, вихрится, но у самой земли скорость ветра равнялась нулю, облака словно присели, и скопление микроскопических капель окутало все липкой, рыхлой ватой. Окна мрачных зданий города казались огненными глазами каменных чудовищ.

Григорию Трифоновичу Миронову надлежало находиться в этом городе десять дней. В Москве ему казалось, что за границей он отключится от привычной повседневной суеты и, возможно, хоть чуть отойдет от всего того, что мучило его в последнее время. Несколько месяцев назад нелепый случай лишил его жены и дочери-восьмиклассницы: они погибли в автомобильной катастрофе. Миронов переехал в другой конец города, сменил квартиру, раздал все старые вещи, окружил себя новыми, но горе и боль тянулись за ним, они прилипли, как этот туман, и ничто не могло его отвлечь. Сейчас, когда поезд подходил к вокзалу города, на душе у Миронова становилось все тяжелее, словно в предчувствии новой, еще неведомой беды.

У выхода из вагона ждал представитель фирмы, чьим гостем являлся Миронов. Широкая улыбка, приветственный жест, приглашение пройти к машине.

— С вами, дорогой господин, будет работать мадам Грюндель. Познакомьтесь... Она прекрасно знает специфику нашей фирмы, владеет нашей терминологией.

Слова этого приветливого человека растворились в шуме привокзальной площади, и в памяти Миронова задержалось лишь «Грюндель». На одном диалекте знакомого ему языка это слово означало «исцеление». И он улыбнулся при мысли о таком неожиданном и странном совпадении.

Неподалеку от вокзала приютился серый дом с четырьмя декоративными башенками

с бойницами, сквозь которые струились слабые огоньки. Они казались нарочно придуманными маяками для этой жуткой непогоды. Под одной из башенок разместился приезжий гость в номере с двумя круглыми окнами, напоминающими иллюминаторы, с телевизором, сверкающей кафелем и никелем ванной. За плотной шторой, которая бесшумно отодвигалась нажатием кнопки, были застелены две придвинутые друг к другу кровати. Тумбочки с инкрустированными башенками гостиницы на дверцах, небольшие торшеры со старомодными шелковыми колпаками, атласные обои, в вазе сухие васильки и бессмертники, веточка лунария — искусный букет, икебана. На стене висела странная картина. Легким нажимом карандаша на белом листе намечено тело молодой обнаженной женщины, она полулежит в красном кресле, закинув левую ногу, руки беспомощно падают вдоль боковин кресла. Но что это? Вместо головы — буйно распустившийся цветок. Иллюзия горящего костра. На кресле надпись: «Караул! Я хочу любви!» Миронов выключил свет, и краски горящего цветка погасли. «Чего только не придумают», — подумал.

Было уже около девяти вечера, он перевел свои часы на средневропейское время и ждал. В девять мадам Грюндель должна была звонить. Она позвонила на несколько минут раньше:

— Господин Миронов, ждем вас внизу к ужину.

Представитель фирмы господин Плевел спросил гостя, где он желает поужинать — здесь, в гостинице, где отличная старинная кухня, или предпочитает что-либо свое, русское. В городе, совсем близко отсюда, хороший русский ресторан, где можно вкусно поесть, как дома.

Миронов ответил, что предпочел бы остаться в гостинице и надеется, что за ужином можно будет поговорить и о предстоящей программе.

Зал роскошного ресторана чем-то напоминал гостининые подмосковных усадеб. Все было в полумраке, и стояла непривычная для подобных заведений тишина. Откуда-то доносились слабые аккорды знакомой фортепианной пьесы. Миронов заметил в дальнем углу расписанный рояль на ножках, повторяющих линии слабо светившихся люстр и подсвечников. Пианист словно окаменел, и если бы не едва заметное

скольжение пальцев по клавишам инструмента, можно было принять его за хорошо сделанный манекен.

— Так что будем есть?

Голос мадам Грюндель зазвучал настолько по-домашнему, по-московски, что Миронов вздрогнул. Помедлил с ответом, а потом сказал:

— Чем угостят хозяйева.

Господин Плеве сделал жест рукой, и поджидавший в двух шагах официант наклонился с готовностью. Мадам Грюндель переводила. Слово «мадам» никак не вязалось с образом этого юного существа. Прическа а-ля Джоконда, тонкие губы, большие, чуть прищуренные глаза. Держится строго, серьезно, старается не выдавать напряжения. Но заметная небольшая продольная складка на лбу и наметившаяся вторая такая же складка над аккуратными, словно нарисованными бровями. Говорит мадам Грюндель лишь самое необходимое, то есть переводит и односложно отвечает на вопросы: «да», «нет», «хорошо», «поняла», «ясно». Весь вечер разговор касался чисто служебных дел Миронова и представителя фирмы, обсуждались технические вопросы, в которых так мало юмора, и мадам Грюндель ни разу не улыбнулась. То и дело она отпивала пиво из глиняной кружки с веселящимся Бахусом. От крепких напитков мадам Грюндель подчеркнуто отказалась — она любит только пиво.

Господин Плеве был рад, что удалось о многом договориться за этот прекрасный вечер, и попросил Миронова подумать и высказать любое пожелание относительно использования своего свободного времени — можно куда-то съездить, отдохнуть в горах, где до сих пор держится хороший снег и не давит этот проклятый туман. Вообще гость может высказать любое пожелание, и мадам Грюндель постарается сделать все как можно лучше. Господин Миронов ведь первый раз в этом городе и должен увезти с собой в Москву приятные воспоминания. Мадам Грюндель перевела эти слова с некоторой заминкой, и для Миронова не осталось незамеченным, что она не очень верит словам господина Плеве.

В дальнейшем Миронов видел представителя фирмы только за столом

официальных и очень нелегких переговоров, а остальное время с ним была неотступно мадам Грюндель. Она показывала ему достопримечательности и с глубоким знанием рассказывала о них, водила в кино, в музеи, а когда Миронов усаживался в холле перед громадным цветным телевизором, она переводила ему телевизионные передачи. Конечно, они могли бы смотреть эти же передачи у него в номере, но она предупредила, что есть строгий запрет фирмы на этот счет — не заходить к гостям.

— Правда, некоторые,— она особенно подчеркнула это слово,— всячески заманивают меня в номер, но я их вежливо посылаю...

Это слово прозвучало так неожиданно грубо, что Миронова покоробило, он еле сдержался от резкого упрека, но мадам Грюндель не заметила этого и продолжала свои рассуждения о том, как вообще ведут себя иные делегаты, с которыми ей приходилось работать.

— У вас там, в Москве, инструктируют, как себя вести, а в других странах нет, они даже не знают, что можно и чего нельзя.

— Любопытно.

— Был недавно один, так он думал, что меня к нему придали не только для того, чтобы переводить и заботиться о нем... Он меня всячески обхаживал. Я ему нагрубил, и он тогда пригрозил, что пожалуется моему шефу. Он не знал, что мне такая жалоба только на пользу... И вообще мужчины думают лишь об одном...

В дальнейшем мадам Грюндель говорила о мужчинах с явным презрением, подчеркивая их стремление только к одному-единственному.

— Вам сколько лет, мадам Грюндель?

— А сколько вы мне дадите?

— Ну, так лет двадцать шесть, а может, и меньше.

— Двадцать восемь,— сказала мадам Грюндель,— только я привыкла, чтобы мне давали двадцать четыре. Кто дает больше, тому я готова горло перегрызть... Я не хочу, чтобы мне было больше двадцати четырех лет... Пойдемте в птичник?

«Птичник» оказался совсем рядом — небольшое заведение вроде наших закусовых. Готовили здесь птицу. Цыпленок вареный с чесноком, бройлер в сметане, с черным перцем, белое мясо под ореховым соусом, индейка на вертеле, куриные мозги в раковинке яичного белка, копченые цыплята...

— Я вам предлагаю самое привлекательное — куриное филе, фаршированное цыплячьей печенью, и все это жаренное на специальном древесном угле.

Блюдо оказалось действительно очень вкусным, и Миронов ел с удовольствием. Мадам Грюндель сидела напротив и наблюдала. Потом спросила:

— Нравится?

Услышав утвердительный ответ, предложила пива. Она выпила кружку, потом еще одну. Мадам Грюндель отпивала привычными небольшими глотками и с каждым глотком становилась все серьезнее, во взгляде появилась жестокость. Надела очки, сказав при этом:

— Я вообще близорука, минус семь, но очки меня портят, и я стараюсь надевать их только в крайних случаях. Потом, знаете, очки, даже самые легкие, нажимая на переносицу, деформируют лицо.

В ее словах прозвучали дидактические нотки, она стала вдруг похожа на строгую учительницу математики. Миронов хотя и был инженером и в жизни часто приходилось сталкиваться с точными науками, однако никогда не любил математиков-фанатиков, уверенных, что их предмет, их наука наиважнейшая из всех известных человечеству. Потому и сейчас ему показалось, что перед ним не переводчица фирмы, а принципиальная математичка, которая все знает и всех поучает... Мадам Грюндель, надев очки, увидела Миронова совсем иным, чем он представлялся ей без очков. Она вообще пыталась быть безразличной к тем, с кем приходилось работать. Близорукость помогала ей не вглядываться в лица. И в самом

деле — только в крайних случаях она надевала очки, и тогда пятна обретали очертания человеческих лиц с нормальными глазами, губами, носами, подбородками. По натуре мадам Грюндель была нелюбопытна и считала, что все лица похожи друг на друга, как ходят друг на друга вагоны международных экспрессов — они отличаются только номерами. Сейчас, надев очки, она преследовала лишь одну цель — попытаться узнать, как выглядит человек, перенесший недавно трагедию. Об этой трагедии она знала, ей рассказали сотрудники международной службы фирмы, только предупредили насторого: Миронов не должен догадываться, что им об этом известно. Если он сам расскажет (а бывают такие люди, которые сразу же делятся своим горем, счастьем — гораздо реже), тогда надо выразить ему сочувствие, а если нет — не напоминать это бестактно.

Миронов выглядел моложе своих пятидесяти четырех лет. О том, что ему именно пятьдесят четыре, мадам Грюндель знала из предварительной анкеты, с которой ее познакомили, и из паспорта самого Миронова. Худощавое лицо, высокий лоб и густые волосы почти без седины («Как это не седеют люди от такого потрясения?!»), глубокие и очень печальные глаза. Да, глаза выдают горе. Волосы можно подкрасить, можно надеть парик, можно сделать пластическую операцию, наконец, а как же быть с глазами? Разве что надеть черные очки. Но их же приходится снимать. И тогда что?

Это мадам Грюндель все про себя прикидывала. Да, действительно глаза выдают все. А как же ее глаза? Выдают ли они то, что у нее на душе? А вообще, что у нее на душе? Может об этом догадаться другой человек, например, тот товарищ Миронов?

— Спасибо вам, мадам Грюндель, за этот прекрасный обед. Было великолепно... И откуда пианист знает столько русских современных мелодий?

— Когда платят деньги, всему научишься... О, как хорошо, когда у тебя много денег! Как хорошо!

Она произнесла это «как хорошо» с откровенным желанием иметь деньги, стать богатой, но лицо ее не изменилось, оно оставалось строгим, непроницаемым.

— И что бы вы сделали, окажись у вас много денег, ну, допустим, миллион?

— О, товарищ Миронов! — Она впервые назвала его так, желая будто подчеркнуть, что «товарищи» не представляют себе, что они могли бы сделать, если б у них оказалось очень много личных денег. Они этого не понимают. Но что бы сделал этот товарищ Миронов, если бы у него оказался свой миллион рублей? Он, наверное, об этом даже не думает. А вот она очень хорошо знает, куда вложила бы этот миллион, и повторяет: — О, товарищ Миронов! Я бы купила себе ателье для пошива одежды экстра-класса. Я сама умею шить. Все, что на мне, я сшила сама. Я бы подобрала лучших модельеров, лучших портных. «Ателье мадам Грюндель». Звучит? А рядом с ателье — дом, особнячок такой, с небольшим садом и плавательным бассейном с холодной водой. Я предпочитаю именно такие бассейны. По утрам, перед работой, я хожу в такой бассейн, он в пятнадцати минутах от моего дома. Систематическое плавание в холодной воде способствует сохранению талии на уровне пятидесяти двух сантиметров. Да, а рядом с моим особняком я помогла бы строиться моей подружке Матильде. Мы с ней часто встречаемся, разговариваем обо всем и мечтаем именно об этом. Только ей, вы знаете, хочется бассейн с подогретой водой... Пусть с подогретой, правда?

Миронов ей не ответил, но она и не ожидала этого, она рассказывала дальше о том, как бы она устроила свое ателье, как ей было бы хорошо жить рядом с Матильдой, делать что-то полезное людям и в то же время чувствовать себя хозяйкой, владеть богатством и иметь право распоряжаться судьбами других людей. И если когда-нибудь это осуществится, то они не допустят в свой круг мужчин. Только женщин, самых красивых, потому что она уверена — уродины не могут создавать красивые вещи. Догадываясь, что Миронов может спросить, чем вызвано такое отрицательное отношение мадам Грюндель к мужчинам, она уточнила:

— Вы знаете, господин Миронов (снова господин!), с некоторого времени мужчины для меня существуют только вот здесь,— она указала рукой на голову.— Только здесь. И это желание, которое принято называть любовью, в моей голове то вспыхивает, то угасает, то бушует, то успокаивается. Об этом мы долго говорили нынешним летом с одной польской художницей. Кстати, она жила в этой же гостинице. Все остальное будто атрофировалось. И, может быть, зря.

Слушая эту, как казалось ему, вздорную болтовню мадам Грюндель, Миронов

очутился у подъезда особняка с башенками, похожими на маяки; после обеда предстояла напряженная работа, и сейчас хотелось немного отдохнуть.

— Хорошо, хорошо, господин Миронов. Я скажу портье, он вас разбудит в половине пятого. А в пять я буду ждать вас здесь.

В пять часов мадам Грюндель не пришла, и Миронов, привыкший к тому, что она всегда приходила задолго до назначенного времени и ждала его в холле гостиницы, забеспокоился: что же могло случиться? Опоздать на важную встречу из-за нее? Миронов привык к точности с юных лет, когда ходил в кружок радиолюбителей, а потом и коротковолновиков, где любая секунда решала судьбу важной встречи в эфире. Этих встреч он каждый раз дожидался, судорожно готовя свою аппаратуру и вслушиваясь задолго до намеченного времени в шумы бесконечности. Они приучили его к тому, чтобы всегда быть предельно аккуратным. Любое, даже самое незначительное нарушение назначенного часа свиданий, начала заседаний, спектаклей, деловых встреч он всегда воспринимал как оскорбление. Сейчас он уже представлял себе, что же это будет, когда он, представитель такой солидной советской организации, опоздает на важную деловую встречу. И из-за чего? Из-за того, что он непредусмотрителен, не узнал у мадам Грюндель, где должна быть встреча, не знает, как туда подъехать, не научился в Москве нескольким фразам на языке этой страны... Ах, какая оплошность! Как он мог поверить в аккуратность этой мадам! А она! Боже мой, что делать?!

Так он метался по холлу, поглядывая каждые десять секунд на часы, и не находил никакого выхода.

— Как хорошо, что вы уже спустились! — услышал он знакомый голос мадам Грюндель.— Прошу вас к машине. В нашем распоряжении еще целых четверть часа. Заседание начнется в семнадцать тридцать. Прошу в машину.

Почему она задержалась, мадам Грюндель рассказала уже после заседания и ужина, данного в честь московского гостя одним из самых ответственных руководителей фирмы.

— Мне было так неудобно опаздывать, но думаю, что вы простите меня, когда я

расскажу, в чем было дело.

Ветер рвал в клочья задержавшийся туман, проглядывал неполный месяц, похоже было, что подморозит. Решили идти до гостиницы пешком, и мадам Грюндель виновато рассказывала:

— Я оставила вас и тоже пошла отдохнуть. Вчера легла очень поздно. После того как мы расстались, я зашла к Матильде, и мы проболтали чуть ли не до двух ночи. Пришла домой, а там холодина — жуть. Затопила печь — у меня печь топится брикетом, бросила целое ведро и легла в холодную постель. Утром бросила еще ведро брикета и побежала к вам. Рассчитывала, что выберу после обеда время, прибегу в свою комнату, где будет уже тепло, отдохну немного и подготовлюсь к вечеру — ведь мы обязаны готовиться к тем вечерам, когда после переговоров начинается прием. На приеме мы должны нравиться. Хорошие сотрудницы — украшение начальства, так говорят у нас. И вот я стараюсь, как могу, быть таким украшением. И что вы думаете: когда открыла подъезд и готова уже была взлететь по лестнице к себе на третий этаж, откуда ни возьмись — котенок. Чистый-пречистый, смотрит на меня умоляющими глазами, просится на руки. Я его взяла, вошла с ним в свою теплую квартиру, налила ему молока, и мы с ним уснули. Мне от него тепло стало. А когда проснулась, было уже без пяти пять. Я накинула на себя это вечернее белое платье, бросилась бежать, успела только оглянуться, а котенок уже соскочил с кровати и давай трепать моего слона. Я вам еще о нем не рассказывала? Ну, это очень смешно. Но сейчас уже поздно и мы пришли... До завтра... Утром я уже опаздывать не буду...

Оставшись один, Миронов старался отойти от напряжения сегодняшнего дня с его нелегкими переговорами, с казенными расспросами о том, как он себя здесь чувствует, с переживаниями из-за опоздания. Он зашел в вестибюль гостиницы, там было очень тихо, в полумраке сидели в глубоких креслах за столиками люди и вели, как водится в гостиницах, беседы. Миронов подсчитал в уме, что ему осталось быть здесь еще три дня, и уже в мыслях был снова в поезде, по дороге домой. Прямо с вокзала он поедет на кладбище, привезет жене и дочери цветы отсюда, из этой далекой от Москвы страны. Да, он должен завтра же с мадам Грюндель посетить цветочный магазин.

Он не поднялся к себе, а вышел в город. Хотя был не поздний час, но на улице — никого.

Миронов не знал, что здесь, в этом городе, с началом темноты улицы пустеют и люди проводят свои вечера под крышей — то ли в кинотеатре, то ли в ресторанах, кафе, а большинство в кругу семьи, нужно восстановить силы и рано утром снова успеть на работу без опоздания, чтобы не дай бог не выглядеть усталым, не терять форму. «Здесь на работе нельзя терять форму», — как-то мимоходом сказала мадам Грюндель. Погуляв полчаса, Миронов вернулся к себе в номер и с сожалением подумал, что мадам Грюндель так и не рассказала ему обещанную смешную историю про слона.

Утром он проснулся раньше обычного от ощущения яркого света. Сквозь плотную занавеску пробился луч и падал прямо на ту странную картину, о которой он забыл. Луч освещал удивительный пылающий костер вместо головы, чуть повыше, в правом углу картины, освещенные лучом света, довольно четко прочитывались буквы «L. C.». Миронов подошел к окну, отодвинул занавеску, и в комнату полился яркий солнечный свет. Над островерхими крышами города висел огненный шар. Сколько уже дней Миронов не видел солнца? Когда он уезжал из Москвы, там тоже было пасмурно. А здесь восьмой день этот липкий туман. Солнце придало ему новые силы, будто обновило; он открыл двери на балкон, сделал зарядку, принял холодный душ — и как рукой сняло усталость, нервное напряжение. «Все это солнце», — подумалось Миронову. Было еще только восемь часов утра. Мадам Грюндель придет в половине десятого. И он обнаружил, что ждет ее, что все эти оставшиеся полтора часа он будет думать о ней, о том, какую она расскажет ему историю про слона, которого бессовестно трепал заблудившийся или выброшенный из дому котенок. Но ему придется ждать этого рассказа, потому что сегодня снова напряженный день, заполненный делами до самого вечера. Как хорошо, что вышло солнце!.. Что такое? Почему снова стало темно в комнате? Когда Миронов посмотрел в окно, небо уже заволочло тучами и солнце исчезло. За обедом Миронов пожаловался мадам Грюндель.

— А у нас всегда так, — сказала она с серьезным видом всезнающей преподавательницы математики. — У нас ведь все под влиянием Атлантики. У нас не Гагра.

— Вы бывали в Гагре?

— Бывала?! Я там родилась, товарищ Миронов. Разве я вам не говорила об этом?

До самого отъезда Миронов слушал рассказ о жизни мадам Грюндель. Слушал, не перебивая ее расспросами. Она рассказывала отрывочно, перескакивая с одного события на другое, и уже в поезде, в Москве, вспоминая об этом рассказе, Миронов пытался сделать его последовательным, придать ему стройность. Он пытался понять отдельные эпизоды жизни мадам Грюндель, в чем-то он ее оправдывал, в чем-то осуждал. Но до него очень долго доносились ее слова — четкие, без какого-либо намека на жалобу. Она рассказывала просто так. Она готова рассказывать без конца — у нее было о чем рассказать,— только вот время кончилось и господин Миронов должен был уехать к себе в Москву.

— Там у вас намного холоднее, чем у нас, правда?

— Действительно холоднее,— отвечал Миронов. Его задело это «у вас», но он сдержался.

— До того как я стала мадам Грюндель, меня звали Лореттой Карасевой. Почему родители называли меня так, трудно сказать. Потом одна родственница мне говорила, что у мамы была начитанная тетка. Она выбрала это имя. Из какого-нибудь романа, наверное. Из-за этого имени меня вечно дразнили — на улице, в школе, даже мамочка не удерживалась. Я и сейчас ее очень люблю, хотя что я пережила из-за нее — один бог знает. И я... Когда училась в девятом классе, вошли в моду мини-юбки. Тогда все девчонки с ума сходили по этим мини. У моей подружки-десятиклассницы была швейная машинка, и мы смастерили себе такие мини, что только вышли в парк пофорсить, а нас потащили в милицию за нарушение общественного порядка. Вызвали мамочку, и она прямо там отлупила меня, повела домой со скандалом, а в нашем дворе заседал страшный суд. Он у вас и сейчас заседает во дворах и в подъездах, правда? Так одна пенсионерка прямо так и сказала, громко, чтобы все слышали: «Горетта ты, а не Лоретта!» Так и прилипло ко мне это прозвище. И куда ни пойдешь — Горетта да Горетта. Хоть живи, хоть вешайся. Получила я аттестат зрелости. Но куда подашься? В школьной

характеристике мне записали привод в милицию, и я загорала на нашем пляже, вечером поздно приходила домой и слышала одни и те же упреки: «Что мне с тобой делать?!» А отчим, когда был трезв, говорил: «Оставь ее, сама найдет себе дорогу», а когда напивался,— а это случалось,— тоже обзывал Гореттой. Правда, не зло, но обзывал. А я лежу себе целыми днями на пляже, прихожу туда рано-рано, когда еще солнышко не взошло, подхожу к самой воде. Знаете, какая вода прозрачная у берегов? Тогда еще, помню, такую песню пели: «О море в Гаграх!» Тишина, на берегу никого, а я смотрю в воду и считаю гальку. Потом заплыву далеко-далеко, потому что еще у дежурных спасателей рабочий день не начался и никто на тебя не орет, не свистит. И вот там, в море,— а если смотреть с берега, это уже самый горизонт,— я встречаю восход нашего гагринского солнышка! Это такое солнце, что нигде такого не увидишь! И вместе с солнышком плыву к берегу.

Однажды на берегу я заметила двух мужчин одинакового роста, один полненький такой, другой стройный, в ярких шортах, темных очках и пляжной нашлепочке. На всем берегу были только эти двое, и мне стало как-то не по себе. Они заметили, что я приближаюсь, и полный подозвал рукой. И я почему-то уже безо всякого стеснения, без страха вышла, отжала на ходу купальник и подошла прямо к ним. «Доброе утро,— обратился ко мне стройный, в нашлепочке.— Мы думали, вы дельфин». Он сказал это на очень плохом русском языке, но слова произносил четко, отдельно друг от друга, будто вычитывал их из словаря. Тут же на непонятном мне языке сказал что-то второму, которого можно было принять то ли за отца его, то ли за старшего брата. Они очень походили друг на друга: одинаковые голубые глаза, рыжеватые и очень густые волосы, плотные тела, мускулистые руки. Вообще на вид сильные люди. Вы знаете, с каким восторгом глядят девчонки на физически сильных, красивых парней? Так и я как все. Женщины вообще любят сильных, статных мужчин. Думают, они рыцари. Потом оказывается, что это не так. Только это понимание приходит поздно... Так о чем я говорила? Да, о том раннем утре. Молодой говорит, что они приехали на юг посмотреть на дельфинов. Они чем-то им напоминают лошадей. Бег лошадей то есть. Потом молодой сказал мне, что его имя Ромулус. «Помните легенду об основании Рима?» — спросил он. Я, конечно, никакой легенды об основании Рима не помнила, но чтобы не ударить сразу же лицом в грязь, многозначительно сказала «да», а он ткнул себя пальцем в грудь и сказал с гордостью: «Я тоже когда-нибудь создам что-либо наподобие Рима!» Видно, это он говорил не первый раз, потому что старший по интонации понял, о чем речь, и

расхохотался. Через три дня мы с Ромулусом были уже на «ты», я щеголяла в своей мини-юбке, почему-то не боясь никакой милиции, доехали на такси до Адлера, там в самолет — и в Москву.

Они меня привезли в шикарный дворец, ничего подобного я не видела ни в Сочи, ни в Гагре, а там вы знаете какие дворцы. Такие комнаты, все в зеркалах, такие горки с хрусталем, такие ковры! А это была просто гостиница «Советская». Сейчас мне смешно об этом вспоминать, как я всему тогда удивлялась, как это меня ошарашило. Они, оказывается, приехали на аукцион. Отец Ромулуса собирался приобрести для своего конезавода несколько наших лошадей и посещал бега. А сына он приучал к делу, натаскивал. Это был его единственный сын, и он готов был делать для него все. Он, видите ли, услышал, что в Гагре разгуливают неподалеку от берега дельфины, и примчался. Конечно, в тот приезд никаких дельфинов они не видели. И вообще... Ну, днем отец уходил по своим делам, а мы с Ромулусом оставались одни в трех комнатах с телевизором, радиолой, у него был еще магнитофон «Грундиг». Я тогда еще не очень-то разобрала его фамилию, мне показалось, что она не Грюндель, а именно Грундиг. Так мы развлекались даже не помню сколько дней, и в одно утро резкий стук в дверь нашего номера, дежурная приглашает меня выйти. «Только вас»,— говорит. За дверью, на которой было написано «Главный администратор», сидела моя мама. «Мы сообщили по домашнему адресу о вашем здесь пребывании»,— изрекла солидная женщина, сидевшая за огромным письменным столом. К моему удивлению, мама не кричала, не угрожала, она сказала всего три слова: «Лорочка, поехали домой». Что происходит с человеком в такие минуты, какие включаются тормоза, какие рычаги — трудно сказать, только я не знаю почему ответила маме: «Поехали». И даже не попрощалась с Ромулусом. А дома мама спокойно, но очень решительно, как это она умеет, сказала: «Сейчас пойдешь со мной к врачу».— «Зачем?» — «Затем». Я ужаснулась, но сделала вид, что согласна, а как только мама отвернулась, я молнией выскочила из комнаты и остановилась только у причала. Там шла посадка на небольшой прогулочный катер до Сухуми, и я пробралась с очередью мимо не успевшего опомниться контролера.

Она замолчала. Миронову подумалось, что мадам Грюндель молчит потому, что сейчас Лора Карасева раздумывает, как ей быть дальше на этом катере.

— Вы знаете,— продолжала она,— у меня была только одна трешка, маленькая

зеленая бумажка, мы тогда никак не могли привыкнуть к этим маленьким деньгам, а билет до Сухуми стоил рублей шесть. Так я побежала на камбуз, там тетенька такая белобрысая была и уборщицей, и поварихой, и буфетчицей, я сказала, что буду всю дорогу делать то, что она мне прикажет. Она знала маму и меня, конечно. Это была очень добрая тетка, и она сказала: «Ладно, непутевое ты горе мое, поехали! Только скажи, зачем тебе Сухуми?» — «Я туда к обезьянам еду».

Вы знаете, она даже не удивилась. Просто сказала: «К обезьянам так к обезьянам... А картошку чистить умеешь?» И дала мне целую корзину молодой картошки. На второй день я была уже в Сухуми. Работница отдела кадров научно-исследовательского института посмотрела мой паспорт, аттестат зрелости, дала анкету заполнить, похвалила — это очень хорошо, когда после десятилетки идут на работу. Зачислила меня сразу и сказала, что меня будут учить присматривать и ухаживать за гамадрилами. Что это за гамадрилы, я не знала, но не подала виду. Вообще в этом институте... Вы там бывали? Нет? Жалко... Там так много интересного, первые дни я только ходила и смотрела, до гамадрилов меня еще не допускали, с ними надо знакомиться постепенно и надо иметь к ним подход, а этому ни одна школа не научит, только старые сотрудники института знают... Мне об этом говорила старушка, тетя Граня. Она с самого первого дня взяла меня в свой дом, жила совсем одна неподалеку от института. Денег она не брала ни копейки, сказала, чтобы я складывала зарплату и купила себе что-нибудь на память. То, что произошло со мной на пляже, а потом в Москве, казалось сном. Не верите, да?

— Почему, я слушаю...

— Но иногда охватывала такая тоска, что я не знала, куда себя девать, что делать. И в один такой вечер тетя Граня вдруг говорит: «Лорочка, милая, ты знаешь, к нам приехал цирк из Москвы. Слоны. Пойдем поглядим». И я на ту свою трешку купила два билета в цирк. Выступал Юрий Дуров...

— Он совсем недавно умер.

— Ой, как жалко! Это был такой хороший дядечка. Здоровый-здоровый, а лицо светлое и добродушное, как луна. Вышел в ярком клоунском костюме, вокруг бесятся маленькие собачки, а он среди них выглядит настоящим Гулливером. А потом вышли

слоны. Целых три. Они заполнили всю арену, и Дуров оказался забавным лилипутом. Но что меня удивило — ему повиновались эти большие серые громадины, он делал с ними все, что хотел. Самый большой изображал из себя барабанщика, другой на дудке играл, а третий на губной гармошке. А Дуров был вроде дирижером слоновьего оркестра... Я только об одном пожалела — почему слоны такие серые, почему они не разноцветные. И мне так захотелось иметь собственного разноцветного слона... Смешно, да? Ну так про это я вам в другой раз расскажу... Только вот когда кончилось представление и я под впечатлением увиденного шла медленно за тетей Граней к выходу, чувствую, что меня кто-то осторожно берет за локоть. Подымаю глаза: мама. Вначале я подумала, что она сейчас же начнет меня лупить, как тогда в милиции. Но она говорит по-хорошему, сладким-сладким голосом: «Поехали домой, Лорочка, там тебя ждет Ромулус». Как я узнала потом, мама с отчимом уже почти обо всем договорились с примчавшимися за мной Ромулусом и его отцом, они даже в милиции уже поинтересовались, какие формальности нужно соблюсти, чтобы увезти меня с собой. Все-все...

Если до сих пор мадам Грюндель рассказывала почти без волнения, ровным голосом, то тут она вздохнула, набрала воздуха, чтобы хватило сил говорить дальше, и подвела итог:

— Таким образом из Лоретты Карасевой я стала мадам Грюндель в восемнадцать лет, десять лет назад, и приехала сюда, в этот город...

— А Ромулус? — вырвалось у Миронова.

— Ромулус? Легендарный основатель Рима? Испарился. Я с ним благополучно развелась, слава богу... Я до сих пор не понимаю, зачем я ему нужна была. Иногда думаю, что это было пари, ставка привыкших играть на бегах господ... Мы обвенчались в церкви, нас соединил браком великолепный православный молодой священник, он чуточку говорил по-русски и спросил меня: «Желаешь ли ты, Лоретта, брать в мужья раба божьего Ромулуса?» И я ответила: «Да». На свадьбе было очень много народу. Отец Ромулуса — богатый владелец целой системы мукомольных предприятий и конезавода, а мать владеет и управляет самой большой кондитерской фабрикой в этом городе. На свадебном столе стоял сказочной красоты торт — малахитовая гора с ручейками из жемчуга. Этот торт она назвала «Лоретта».

В мою честь. Его и сейчас продают здесь во всех кондитерских. А отец произнес родительский тост и сказал, что молодые достигнут благодаря своему старанию и мудрости большего успеха в делах, чем они, старики, и назовут свою компанию «Ромулус и Лоретта». Все зааплодировали, загалдели. Да, еще я вам не сказала, что мать Ромулуса очень любила меня, она красивая женщина, только калека, ее возят на специальной коляске... Помните, Рузвельт тоже не мог сам передвигаться...

Мадам Грюндель вставляла в свой рассказ и подобного рода фразы, стараясь выглядеть знающей и начитанной.

— Отец сразу же отделил нас, купил небольшую гарсоньерку, так здесь называются однокомнатные квартиры. Была она обставлена довольно скромно, но я старалась сделать ее красивой. Вы знаете, я умею шить, вышиваю, рисую... Я сделала из нашей квартиры такой уютный уголок, чтобы нам было красиво и хорошо! Отец Ромулуса нанял мне профессора, и я месяцев за шесть научилась языку этой страны — я очень способна к языкам, это еще в гагринской школе заметили, преподавательница английского советовала поступить в Иняз. Отец Ромулуса устроил меня в этой фирме — не сопровождающей, нет, только пока что ученицей, стажером. А Ромулус все развлекался. Часто говорил мне, что проводит время на загородной ферме отца, где объезжают купленных в Москве лошадей, уезжал по делам, чаще всего уже не с отцом, а один. Его сила и рыцарство тратились где-то на стороне, я это уже хорошо чувствовала, но его я не упрекала, ничего не говорила и никому вообще не жаловалась — кому тут пожалуешься? Старалась прилежно заниматься, потом поступила на службу. Мне показалась очень заманчивой перспектива работать с людьми, приехавшими из Советского Союза,— все-таки хоть чем-нибудь я смогу им помочь... Так теперь о слоне. Однажды, позапрошлым летом, приехал сюда один большой специалист по электротрансформаторам из Запорожья. Наши шефы просто не могли им нарадоваться — такой он был большой знаток в своем деле. Я не очень-то знакома с терминологией в этой отрасли, хотя к его приезду мне пришлось целую неделю изучать специальную литературу про трансформаторы, чтобы переводить без запинки. Так этому запорожскому специалисту очень понравилось, как я перевожу. Он попросил меня водить его по техническим магазинам, чтобы ознакомить с отделами электрики и электроники. Забавный такой дядя. Про электричество все знал, а в городе не мог ориентироваться совершенно. «Я не могу отдалиться от гостиницы на два шага,

поверьте, мадам Грюндель, и прошу вас быть все время со мной». Впервые за рубеж попал. Водила я его по этим магазинам, и однажды знаете, что он мне говорит? «Мадам Грюндель, я знаю, что одна ваша фирма производит комбинированный аппарат, небольшой по габаритам. Это одновременно счетная машина, электробритва, миниатюрный дорожный уют, электронный будильник, микротранзистор и кипятильник для дорожных нужд». Я попыталась объяснить ему, что знаю очень хорошо всю номенклатуру товаров этой фирмы, знакома с ее магазинами и ничего подобного никогда не встречала. Если бы у них это было, они раструбили бы по всем программам телевидения и по всем газетам, ведь это так ясно... Но запорожец оказался человеком настойчивым и упрямым, он достал из кармана блокнот, перелистал и нашел адрес магазина, где, по его предположениям, должен продаваться этот «мужской комбайн», и мы поехали туда. И что я там натворила, если бы узнали мои шефы, они меня прогнали бы с работы в два счета. Вначале посмотрели все образцы, и среди них «мужского комбайна» не обнаружилось. Но мой запорожец требовал, чтобы я обязательно спросила у хозяина магазина про эту новинку. Я вообще не люблю морочить людям голову, а что этого комбайна нет и в помине, я уже точно знала. Откуда мне пришла такая мысль, понятия не имею, до сих пор, когда вспоминаю, пожимаю плечами,— я разыскала директора и выпалила четко: «Господин интересуется, не найдется ли у вас розового слона с голубыми ушами?» Директор магазина был человеком весьма вежливым, он даже не улыбнулся, не принял это за шутку, а просто, как тут принято, ответил тоже вполне серьезно: «Не держим. Весьма сожалеем, что не смогли удовлетворить просьбу господина. Заходите еще». И только тогда стандартно улыбнулся. А мы с гостем срочно помчались за чем-нибудь другим, потому что через два часа отходил поезд, а у него оставалась неизрасходованная валюта. А этот слон сослужил и служит мне до сих пор очень добрую службу. Но об этом в другой раз.

— Вы всегда пользуетесь этим приемом, когда невозможно найти что-либо?

— Да нет! Что вы! Это было один-единственный раз в моей практике... Слава богу, что обошлось. Я подумала только, что могло случиться, если допустить на одну минуту, что этот товарищ из Запорожья знал наш язык, а скрывал.— Тут мадам Грюндель сделала особый нажим на слово наш.— Но он его точно не знал. И какое это для меня было везение! Вы не поймите, что мое везение в том, что он языка не знал. Нет! Везение в том, что я вспомнила про того слона. Что я так сказала. Это

помогло мне потом просто выжить. Дело в том, что мы прожили с Ромулусом лет пять вместе. Это по нынешним стандартам довольно много. Да, да... У вас тоже так. Об этом я в «Литературке» читала. Я ее выписываю. Там много такого не про литературу. И это интересно читать. Так я учила язык, здешнюю культуру. Все это для нашей работы необходимо. А незадолго до развода я начала трехлетний курс изучения немецкого. Чтобы быть специалистом высокой квалификации, чтобы тебя ценили и чтобы на тебя был спрос, ты должен знать минимум два иностранных языка в совершенстве, а для специалиста высшего класса обязательно знать три языка плюс латынь. И тогда на тебя будет спрос и у тебя будут деньги. Ты тогда можешь работать хоть шестнадцать часов в сутки, и тебе будут платить за каждый час работы по высшему тарифу. Я сейчас работник первой категории,— не без гордости сказала мадам Грюндель.— Так чем же может помочь человеку слон — спросите вы. Вы не устали от моей болтовни, товарищ Миронов?

— Я вас внимательно слушаю, мадам Грюндель.— Миронова утомил ее монотонный жесткий голос, но он не знал, что самое страшное впереди и что это страшное мадам Грюндель расскажет так же монотонно, жестко и с беспощадной обнаженностью.

— Ромулус, как только остановилась свадебная карусель и мы заимели свой угол, стал вводить меня в свой круг. Вначале это мне было интересно. Ночные кабаки, музыка, таинственный полусвет, выступления знаменитых, как он объяснял, звезд кабаре, масса друзей. Но постепенно мне опротивели душные подвалы, где тошнит от смешанного запаха потных тел и дешевых духов. К тому же я ненавидела стриптиз, меня бесили попытки Ромулуса доказывать мне, что когда женщина обнажается на публике, это высшее достижение истинного искусства. Я вначале закрывала глаза ладонями, а он отнимал ладони и говорил: «Смотри, смотри, ведь это такое волшебство! Провинция!» Ему было интересно... И все это длилось довольно долго. У Ромулуса денег было много. И я, хочешь не хочешь, волочилась за ним. Он научил меня пить и знал, что достаточно вынудить меня опрокинуть первую рюмку. А потом будто выключались тормоза, я пила уже все подряд без счета. Мне казалось, что знаю все ночные заведения этого города и все на сто километров вокруг. Но я ошибалась. Однажды Ромулус увез меня на прогулку за город. Выехали поздно вечером на своей красной машине. У нас была одна красная машина, другая такая сероватая, «мерседес». У загородного большого дома стояло еще несколько машин. Мы припарковались и вошли в тот дом. Что там было, это уже

длинная сказка. Только в гостиной стоял мрак от дыма и играла музыка. Еле угадывались прилипшие друг к дружке фигуры танцующих. Через короткие промежутки вспыхивал оранжевый луч прожектора, и в несколько секунд можно было окинуть одним взглядом всех. Были незнакомые мне до сих пор парни и девушки. Некоторые довольно красивые. Заметив Ромулуса, девицы завизжали и затопали ногами. Он покровительственно делал им ручкой. Выделялись два безобразных парня — пузатые такие, с огромными влажными губами, один совсем беззубый. Он и подошел к нам первый, осмотрел меня оценивающим взглядом, хлопнул по плечу и спросил Ромулуса: «Свеженькая?» Другой прикатил сервировочный столик со всякими напитками, и Ромулус предложил выпить. Я говорила вам, что мне достаточно взять одну рюмку, а потом уже все идет подряд. Так и на этот раз. Выпила я много. А дальше уже обычная попойка. И вдруг погас свет. В темноте ударил гонг, Ромулус сел рядом со мной и шепнул: «Сейчас начнется самое интересное. Тебе обо всем расскажет Мильва, наша старшая». Снова засветил прожектор. В центре зала на освещенном круглом помосте стояла красивая женщина в белой накидке. Хлопнула в ладоши и сказала: «Через десять минут начинается игра. Загляните в соседнюю комнату и все запоминайте». — «Знаем, знаем!» — загалдела вся эта пьяная орава. «Пусть заглянет кто не знает». Не знала, оказывается, только одна я. А там, в соседней комнате, выстроился целый полк топчанов. Женщина в накидке — звали ее Мильва — стала очень быстро разъяснять мне как новенькой правила игры. Парни садятся на топчаны, гаснет свет, девушки сбрасывают с себя все и в темноте идут к тому, которого выбрали. Потом снова танцы, веселье и повторяется то же самое, только следующий сеанс парни должны выбирать, понимаете! «А самое сложное,— сказала Мильва,— это то, что в темноте надо находить свою одежду. Кто наденет только свое, завоевывает первый приз». Я и сейчас не могу понять, как после всего выпитого вмиг протрезвела и кинулась к улыбающемуся Ромулусу. За какую-то долю секунды перед моими глазами промчалась вся моя жизнь. Говорят, что так бывает, когда человек гибнет. Все вспыхнуло разом, единым сверканием молнии — и Гагра, и школа, и мама, и Ромулус с отцом на берегу моря в то утро, и разговор про дельфинов, и тетюшка из гостиницы, и гамадрилы, и Дуров со своими слонами, и тот молодой священник, и мое страшное заявление: «Прошу разрешить мне выход из гражданства СССР...» Вот он, заслонивший собой и мою Гагру, и мою маму, и мою родину, привел меня сюда и предлагает подчиниться этой Мильве, идти со всеми этими туда, в ту комнату. Я приподнялась на цыпочках, чтобы достать, и ударила со всей силой кулаком по его

улыбающемуся лицу... Как попала на улицу, не знаю, только запомнила, что села за руль автомашины — я за эти годы научилась водить машину — и помчалась к городу. Уютная гарсоньерка глядела на меня своими занавесочками, кружевами, вышивками, рисунками, всеми безделушками, которыми я ее украсила... Куда деваться, что делать? Я взглянула на себя в зеркало. На меня смотрела совсем другая женщина, я даже испугалась — это была не я. Но тут раздались быстрые шаги — я забыла закрыть дверь на ключ,— и в комнату влетел Ромулус. Он молил о прощении всю ночь, потом еще несколько дней подряд клялся, что хотел проверить, насколько я его люблю и пойду на это или нет. Он бы сам, конечно, не допустил, если бы я вдруг согласилась. Он клялся, что любит меня и еще сильнее ценит после всего случившегося, называл меня ангелом и самой чистой женщиной на свете. Короче, я ему поверила. Я перестала пить, начала консультироваться с врачами и готовилась стать матерью. И я почувствовала, что Ромулуса напугала сама мысль, что в нашей комнате может появиться еще один человек, который, безусловно, принесет ему массу беспокойства. Все его слова о прощении оказались ложью. Он просто боялся, что обо всем этом узнает его отец и перестанет давать ему деньги. Кульминацией (мадам Грюндель любила вставлять в свой рассказ такие слова) наших отношений стал вечер под рождество. Вы знаете, здесь рождество — праздник семейный. Так и я готовила наш небольшой дом к семейному празднику. Я считала, что нас уже почти трое. Ромулус пришел раньше, чем обычно, был немного возбужденным, не стал со мной разговаривать — он вообще очень мало говорил,— сел спиной к зеркалу и начал рассматривать какие-то фотографии. Я вязала на диване, на кухне жарился в духовке большой рождественский индюк, я отрегулировала температуру, установила автомат на сто минут и ждала, когда зажужжит звонок. Ромулус, как я сказала, сидел спиной к зеркалу, и я хорошо видела, что он рассматривает. На белом рысаке сидела рыжая амазонка и, подставив широкое лицо солнцу, улыбалась всему свету. Ромулус забыл обо мне, о рождестве и о том, что он не один в этой комнате, приблизил эту фотографию к губам и поцеловал. Может быть, он нарочно сделал это, я так и не узнала... Зуммер электропечи дал знать, что рождественский индюк готов. И только тогда Ромулус оторвался от фотографии. Его отвлек звонок. Как я начала разговор с ним, не помню, задержалось в памяти самое гадкое, что он говорил. «Если ты родишь мальчика,— сказал он,— то он будет, как и ты, и я, не правда ли, гражданином этой страны». Он подчеркнул слово «этой» и потом добавил: «Как я и... ты, между прочим... И я представляю, как он через восемнадцать — двадцать лет пойдет воевать против страны, где ты родилась...» Он расхохотался и по-

мальчишески указал пальцем на мой выросший уже живот. Я приподнялась только чуть-чуть. Над диваном висел большой настоящий ятаган из дамасской стали. Отец подарил его нам на свадьбе для «борьбы с врагами» будущей процветающей компании «Ромулус и Лоретта». И я про себя решила твердо: если он скажет еще одно слово и повернется спиной, соберу все свои силы и насквозь проткну его этим ятаганом. Я в ту минуту поняла, почему и как совершаются убийства. Но Ромулус, видно, тоже о чем-то догадался, потому что попятился и повернулся спиной у самой двери, я бы не могла уже его настигнуть, потому что я почувствовала словно удар ножом в собственный живот. Я попробовала крикнуть ему вслед, я уже сама не знала, почему именно его мне хотелось позвать на помощь, но голоса у меня не было, исчез голос, и я сама слышала, что из моего горла раздавалось лишь слабое шипение. Ну что делать? Что делать? У меня началось страшное кровотечение, я поползла к выходу. Одной рукой держалась за живот, другой за стену и тащилась к выходу, надеялась еще, что Ромулус где-то вблизи, что его задержит хотя бы расплзшийся уже по всему дому запах жареного индюка, он ведь обожает жареного индюка, я для него приготовила. Черт знает что только не приходило мне в голову тогда. Но я доползла до выхода и никого не встретила. Был мороз, валил снег. От свежего воздуха у меня перехватило дыхание, и я совсем неподалеку от нашего подъезда свалилась в сугроб. Лежала лицом вниз, подгребала под живот снег и чувствовала, как становится легче, боль утихает, и я тогда чуть приподнялась и обратила внимание, какой у нас чудный двор. Он устроен как гигантский квадратный колодец из четырех десятиэтажных домов. Во двор выходило множество окон, я никогда не замечала, что их так много. Окна эти светились сегодня каждое по-разному, все разноцветными огнями горящих рождественских елок. С восьмого этажа смотрел на меня добродушный Санта Клаус и моргал то одним глазом, то другим. Мне стало легче, и я уже хорошо видела все вокруг, от снега и от светящихся окон было совсем светло. Два или три раза заметила, что мимо меня прошли люди и скрылись за дверями нашего подъезда, но никто не обратил на меня никакого внимания. Я пролежала долго, потому что заметила, как многие окна, в которых был свет, уже не светятся. И я решила во что бы то ни стало встать и уйти в дом, потому что, когда погаснут все окна, мне станет совсем уже страшно. Я доплелась до своей двери, откуда валил в подъезд едкий мясной дым. Индюк мой сгорел дотла. И что за люди живут вокруг. Даже на дым никто не вышел, посмотреть хотя бы, что горит...

В больницу мадам Грюндель отвезли утром, когда дворник обнаружил

окровавленный сугроб у подъезда и позвал полицию. В больнице она познакомилась со своей нынешней подружкой Матильдой, которой попался такой же муженек. Он ведет сейчас кляузное дело, чтобы отобрать у нее квартиру, но, по мнению мадам Грюндель, ничего у него не выйдет. Матильда посоветовала Лоретте подать тут же на развод и не жить вместе с этим подонком ни минуты. Даже не пускать его на порог.

— Наш бракоразводный процесс длился всего пятнадцать минут.

Председательствовала женщина, судья лет пятидесяти. Зачитали заявление, выслушали мой рассказ про рождественский вечер. Спросили Ромулуса, правда ли это. Он подтвердил, что все соответствует действительности. Через пятнадцать минут мы были уже разведены. Судья торжественно зачитала, что Ромулус Грюндель обязан выплачивать мне в течение трех лет необходимую сумму для завершения курса немецкого языка и что гарсоньерка присуждается мне. И вот когда я осталась совсем одна, когда я приходила в холодную и ставшую чужой комнату, тогда я снова вспомнила про слонов Дурова и про ту мою проделку с, запорожским энергетиком. Действительно, если тот запорожский энергетик мог поверить в существование этого «мужского комбайна» и даже адрес магазина знал, где этот комбайн имеется, почему же я не могу поверить в выдуманного розового слона с голубыми ушами? И я стала прикидывать, как такой слон должен выглядеть, долго подбирала материал, потихонечку стала шить. Видели бы вы, какой у меня получился слон! Когда я прихожу домой, говорю ему: «Привет!» — мне кажется, что он шевелит своими огромными голубыми ушами и машет хоботом, а глазенки загораются, как только я включу верхний светильник. Я с ним все разговариваю, рассказываю о том, как у меня прошел день. Он слушает, не возражает и не критикует меня за болтливость. Матильда говорит: «Он от тебя когда-нибудь сбежит...» Не сбежит. Я с ним разговаривала по-немецки, читала ему вслух Шиллера и Гете, Белля и Ремарка, Брехта. Экзамены за трехгодичный курс немецкого я выдержала с оценкой один, здесь единица — наивысшая оценка, даже похвальную грамоту мне выписали и подписались все профессора словесности. И все это сделал слон, который слушал меня все эти три года и ни разу не укорил, все хвалил да хвалил... Я получила наконец отпуск и поехала в Гагру как иностранная туристка. Мной занимался «Интурист», заказывал билеты, обслуживал по всем правилам. Сначала было странно, а потом я поняла, что для «Интуриста» я мадам Грюндель,

иностранная гражданка с иностранным паспортом. В Гагре я должна была подчиняться всем правилам, установленным в СССР для зарубежных граждан. Как больно чувствовать себя иностранкой в своем родном городе, в родительском доме! А потом еще и другое, совсем непредвиденное. Страшный суд по-прежнему заседал в нашем дворе, его состав даже несколько, как я заметила, расширился. Старухи, которая окрестила меня Гореттой, время как будто и не коснулось. Она так же сидела на скамейке под шелковицей, подождала, пока я пройду, и сказала вслед, чтоб я услышала: «А горе-то вернулось... Домой захотела... Шлюха!..» Мне хотелось верить, что ослышалась, что это просто показалось. Но старуха повторила это и на другой день. И еще. Я забыла вам сказать, что за год до моего замужества у меня родилась сестренка. Это мать с отчимом решили упрочить узы своего брака. Ласково звали ее Пуговкой. Так пока я была тут, эта Пуговка выросла, пошла в первый класс. Такая красивая девчонка, очень похожа на мать. Глазища черные, щеки смуглые и ротик такой переспелой черешней. Она так ко мне привязалась и не отступала ни на шаг, все просила рассказать ей про за границу и делила с подружками жвачку, поглядывая на них свысока: видите, мол, какая у меня сестрица — жвачки мне привезла! А ночью забиралась ко мне под одеяло, прилипала, такая теплая и пахучая, и я зарывалась лицом в ее волосы и думала: неужели у меня никогда не будет своей вот такой? За день я сообразила ей три платица одно другого красивее. Она плавала как чертенок, вставала вместе со мной задолго до восхода солнца, и мы плыли вдвоем туда, к горизонту. Когда уставали, поворачивались на спину и просто так лежали на воде. Однажды, когда мы так лежали, она подплыла ко мне совсем близко и говорит: «Слушай, Лора, а это правильно, что по-иностранному твое имя шлюха?» Вы знаете, у меня все отнялось, заныло вот здесь в груди, затошнило. Я тихо повернула назад к берегу, и Пуговка поплыла рядом, дурачась. У меня была одна мысль: вот я сейчас пойду ко дну, утону — и все. Но как же доберется до берега Пуговка, она ведь испугается и погибнет вместе со мной. Поблизости не оказалось никого, и я поняла всю нелепость моих утренних купаний вдали от берега. Как быть? Как мне спасти девочку?.. Я видела себя уходящей ко дну, как Мартин Иден, уходила за волшебным белым пароходом с чудесным и таким несчастным мальчиком Айтматова. Но открывала глаза, и рядом со мной беззаботно шлепала ручонками по гладкой поверхности воды моя сестричка, позабыв о своем вопросе, она кричала на все море: «Здравствуй, солнце! Здравствуй, солнце!» Бывает же так, когда кажется, что тебя покидает дыхание, отказывает сердце, и нет никакого спасения, откуда-то из неведомого появляется сила, которая помогает. Матильда говорит, что это бог. Но я в

бога не верю. Если бы он был, разве было бы на земле столько безобразия?.. Так тогда Пуговка сказала: «Лора, давай играть, а? Развяжи мне бантики, сделаем трос, и я поплыву вперед, как буксир, а ты у меня баржей будешь. Хорошо?» Было так забавно. Она фыркала, гудела, изображая из себя буксир, а я держалась за эту ленточку, и было все-таки немного легче плыть... А на берегу свалилась на гальку, стала разгребать ее, чтобы добраться до холодного. Болел страшно правый бок. Врачи в больнице предупреждали, что я должна избегать нервных потрясений. Когда мне стало легче, я позвала Пуговку домой и молча начала собираться в обратную дорогу. Меня уговаривали не ехать. Но тут же объяснили, насколько это сложно — оставаться дома, начнется процедура приема в советское подданство. В милиции сказали, что это дело долгое и никто не гарантирует, что меня снова примут. Для этого нужно не только мое желание, но и серьезные основания. Размышляла и я. Что я буду тут делать? У мамы тесно. Для многих я просто вернувшаяся из дальних странствий шлюха. Кто меня возьмет на работу, что я буду делать? Сидеть на шее у мамы? А здесь у меня все-таки свой дом, приобретенная за эти годы специальность, свой кусок хлеба... И надежда... Будете смеяться, но у меня и сейчас надежда, что я верну себе Ромулуса. Я не могу забыть о нем. Он и до сих пор мой муж. Мой... На вокзале меня встретила Матильда. «Ой, какая ты хорошая стала,— говорит,— загорела, отдохнула, красавица, каких этот город не видал!..» И обнимает меня, обнимает. «Тут у меня,— говорит,— такая идея возникла, я познакомилась с одной дамой, и даже не представляешь, какая перспектива! Закачаешься...» Но в тот вечер она мне ничего не сказала относительно той перспективы, потому что мы стали болтать совсем о другом, я немного прибрала, пошла ужинать с пивом в птичник. А когда вернулась домой, вы и не представляете, кто меня поджидал у подъезда — отец Ромулуса! «Мне нужно серьезно поговорить». Пригласила его в дом. К нему я относилась хорошо, потому что он мне помог и с учебой, и со стипендией, и с гарсоньеркой. Мой адвокат после суда сказал, что этот быстрый бракоразводный процесс тоже отец устроил. Потому что иные разводятся годами и с какими скандалами, не дай бог. Об этом пресса каждый день пишет. Так вот, зашел, погладил моего слона и стоит посередине комнаты. В глазах горит какой-то бешеный огонь, и внутреннее мое чутье, даже не знаю, как это случилось, подсказало, что сейчас он на меня накинется; я вся напряжинилась, как кошка, готовая к отражению нападения. «Как ты похорошела!— начал он.— Ты сейчас лучше, чем тогда, на пляже. В сто раз лучше... Тогда ты была девчонкой, а сейчас женщина, красавица во цвете лет... Ах, Лоретта... Не понимает этот мой балбес, кого он потерял... Кстати, он

не наведывается к тебе?» — «Как не наведывается!— отвечаю.— Еще кое-что осталось неподделенное. Он сразу не сообразил, что брать, когда развелись, а потом все время приходил со своей новой женой и требовал то одно, то другое. Я ему все отдавала безропотно». — «А зря. Все уходит на кутежи. Горе мне с ним». Господин Грюндель-старший продолжал стоять так посередине комнаты, а я придвинулась к двери на всякий случай. «Лоретта,— начал он,— я лично перед тобой в долгу, я виноват, что позволил тогда Ромулусу увезти тебя из Гагры в Москву, я не понимал, как потом все усложнится. Мне стыдно и больно за то, что случилось, и я хотел каким-то образом загладить свою вину... Я старался, если ты заметила, как мог, чтобы ты не чувствовала никаких материальных стеснений, это в моих силах. Но выше всех моих сил оказалось заставить единственного сына вести себя, как положено вести себя с женой. Своим легкомыслием он опозорил нашу фирму, я, как мог, скрывал это, пытался отвести от наших семейных дел печать. А это немало стоит...» Его глаза горели, и я видела, что он говорит сейчас далеко не то, что думает, и была готова к тому, что он скажет сейчас совсем иное, я понимала это по тону его речи и по тому, как он стоял и как на меня смотрел. Я была в мини-юбке, почти такой же, как в девятом классе, за которую меня повели в милицию, и я видела, что господин Грюндель-старший глядит на мои ноги и у него слегка трясутся руки. «Так,— говорит он,— долго над этим думал, я очень скучал это время, пока ты отсутствовала, все время думал, как ты там, на берегу моря, ревновал...» Он улыбнулся смущенно... А я все стояла настороженная перед ним и думала: когда же ты уйдешь? «У меня возникла мысль,— продолжал он,— которую я должен был тебе высказать. В жизни моей получилось так, что я не очень-то знаю, что такое женская ласка, женское тепло. Жена моя стала такой, какой ты ее знаешь, очень давно. Она занялась своими кондитерскими делами, говорила: если ей так горько на душе, пусть другим будет сладко хотя бы во рту... Так о чем я хочу сказать? Я сменю эту гарсоньерку на обширные апартаменты... У тебя будет возможность заняться подготовкой русских переводчиков. Видишь, как хорошо пошли у нас дела с русскими, они пойдут еще лучше... Организацию всего этого дела я беру на себя... Ну а время от времени ты будешь отвечать мне лаской... Много ли мне в эти-то годы нужно...» Он покраснел, на лбу выступил пот. Мне хотелось и смеяться и плакать. Как же это он?.. Неужели можно такое предположить? Мне было очень смешно, но я не выдала этого. Сказала только, подумав немного: «Вы для меня, папа (я его называла так и после развода), столько уже сделали... вы просто святой человек... Я хочу сохранить это чувство к вам... А сейчас идите, пожалуйста, домой, вы плохо себя

чувствуете. Идите...» И я его нежно выпроводила. А слоник смотрел на меня и одобрял.

А на другой день — что за проклятье?— пристала ко мне Матильда: мы должны встретиться с одной очень интересной особой. В десять часов вечера в самом фешенебельном ресторане города. «А ты знаешь, что ей от меня надо?» — «Не только от тебя, но и от меня,— подчеркнула Матильда.— Только что ей надо, мы услышим с тобой вместе», Матильда такая у меня глупая толстушка, я думаю, что ее муж — этот очень умный и начитанный парень — бросил ее именно потому, что она глупа. Вы спросите, почему я с ней дружу, если она глупа? Просто лучше нету, понимаете? Так вот условились встретиться в десять часов вечера, дама, оказывается, до десяти занята. Ну, в десять так в десять. Подкатил шикарный лимузин, и из-за руля вышла дама — под стать этой машине. Бросила взгляд на меня, кивнула Матильде, небрежно сунула швейцару чаевые, и тот молча провел нас до самой двери салона для особо почитаемых посетителей этого ресторана. Дама была не намного старше меня, так лет тридцати, очень красивое смуглое лицо, литое стройное тело, но глаза выдавали усталость. Знаете, бывают такие совсем безрадостные глаза. Предупредила, что у нее очень мало времени, закажем только коктейль с коньяком, потом мы можем остаться поужинать с Матильдой, она все заранее уже оплатила, но сама спешит. У нее в одиннадцать работа. Дама — управительница серьезного заведения, у нее много девочек, которые принимают только гостей из высшей элиты, а не всякую уличную пакость и сопляков. Эта элита не скупится, и заработки девочек весьма приличны. Правда, приходится очень серьезно работать. «Но пусть вас это не пугает, — сказала она,— эта профессия — как любая другая». Она серьезно мерила меня взглядом, сказала, что Матильда все обо мне рассказала и я ей подхожу, она меня берет к себе на работу, мне нужно рассчитаться в компании и приступить к делу как можно быстрее. «Открою особый мой интерес к вам. Среди моих девочек нет ни одной русской. А сейчас, вы понимаете, спрос на все русское резко возрос, и нам тоже не пристало отставать... Десять лет работы у меня — и вы обеспечиваете себе безбедную дальнейшую жизнь где-нибудь в другой стране, где вас никто не будет знать...» Дама допила коктейль и ушла. Вы знаете, она даже не спросила меня, согласна я или нет, она считала, что все решено, чуть не приказным тоном повелела быть у нее завтра в одиннадцать утра, у нее это время свободно. Я, знаете, с тех пор как это случилось у меня с Ромулусом, с того самого предрождественского вечера, когда я чуть не умерла на

снегу, не могу сразу отреагировать. Это мне очень мешает в работе. Иногда шеф или мой подопечный задаст вопрос или попросит о чем-либо, а я стою и молчу, в это время у меня работает голова, я размышляю, что ответить, как сделать лучше, а это в нашей работе считается недостатком, и потому, знай я, наверное, десять иностранных языков, все-таки никогда не стану специалистом высшей категории. В нашем деле, говорит господин Плеве, надо хватать все на лету и решать быстрее, чем электронная машина. Так вот, по причине этого моего неумения быстро отреагировать я ничего не сумела ответить той даме. Я сидела, убитая неожиданным предложением. А бедная Матильда потягивала коктейль и смотрела на меня ничего не понимающими глазами. Бедная дурочка! Когда она наконец узнала, насколько я ошарашена ее затеей, предложением этой проститутки, стала оправдываться и уговаривать меня, что она хотела только хорошего, она подумала, что мне это подойдет. Я даже не сердилась на нее. Добрячка-дурочка, господин Плеве устроил ее по моей рекомендации подавальщицей в нашем кафе. И ей сейчас очень хорошо. А я работаю и шью костюмчики своему слону. В больнице мне сказали тогда, что у меня никогда не будет детей... Вот и все.

Но Миронов и мадам Грюндель не знали, что это еще не все.

Оставалось два часа до отхода московского поезда. По совету мадам Грюндель Миронов не купил никаких цветов. Лоретта знала, что карантинные инспекторы не допускают перевоза через границу растений и фруктов. Тем более что поезд пересекал несколько государств. Миронов обычно после посадки в вагон долго не засыпал и потому решил прилечь и отдохнуть немного в номере. Чемодан он собрал, только надеть костюм — и в путь. Ему уже очень хотелось домой. От всего, что он услышал от мадам Грюндель за эти дни, ему стало еще тяжелее на душе, и была только одна надежда, что, может быть, в поезде встретится кто-нибудь из москвичей, поговорят о делах домашних, обсудят, как обычно в дороге, все мировые проблемы. А пока что можно на часок заснуть. Мадам Грюндель приедет за полчаса до поезда, а господин Плеве сказал сегодня за обедом, что приедет провожать прямо на вокзал.

Не успел Миронов прилечь, как раздался телефонный звонок. Лоретта говорила сквозь слезы, испуганным голосом:

— Я нарушу все указания нашей фирмы и зайду. Если вдруг заедет Плеве, вы

скажите, пожалуйста, что вам нездоровится и что вы попросили меня принести лекарства... Я сейчас зайду. Ладно?

Она вошла — на ней лица не было. Если бы не ее мягкий южный говор, Миронов не узнал бы ее. Осунувшееся, побледневшее лицо, провалившиеся глаза, волосы, собранные в небольшой пучок на самой макушке. Она перевела дыхание и стала быстро, сбивчиво извиняться за то, что ворвалась к нему в номер.

— Я думала немножечко отдохнуть, даже прилегла, а тут звонок в дверь. Открываю — и кто, вы думаете? Ромулус — стоит и улыбается, и за ним его супруга. Она, знаете, вообще баба неплохая, она даже ходила ко мне одна, просила консультации как у более опытной в обращении с Ромулусом — что он любит поесть, как его развлекать, чтобы не ушел. Так вот, заходят они в комнату, и он начинает обшаривать глазами все. «Я вспомнил, что кое-что еще осталось из наших общих вещей, хотелось бы и их забрать». У меня всегда была затаенная надежда, что еще осталось что-либо неподделенное, и всегда про себя радовалась, что он еще зайдет за чем-нибудь, пусть с ней, пусть, но я его еще увижу, я посмотрю, как он выглядит. Он обычно брал то, что нам дарили на свадьбу или потом дарили друзья, его родственники. Из всех наших общих вещей оставался только набор из дорогого цветного хрусталя для коктейлей и тот ятаган из дамасской стали. Он холодно говорит: «Я хочу забрать свои стаканы». — «На, возьми все», — сказала я, почувствовав, что вот здесь что-то обрывается. Но я не показывала виду. А Ромулус посмотрел на меня так, что я подумала в эту минуту: ему тоже жалко, что он забирает последнее, обрывает последнюю ниточку, которая приводила его сюда ко мне. Но в это время он перевел от меня взгляд к слонику. Слоник был в украинских шароварах, а верх такой розовый, а голубые уши будто насторожились. Когда я соорудила его, так вместо глаз вставила два крупных агата. Нам подарил их друг Ромулуса, путешественник. Они были еще не очищены, я ходила в мастерскую, и там их отшлифовали, серый такой камень с белыми прожилками и что-то розовое, мастер сказал, что это сердолик. Так из них я сделала глаза своему слону. А Ромулус приблизился, потрогал пальцем, повернул голову ко мне и говорит с издевкой в голосе: «Так вот где ты их припрятала! А я все время думаю — где же агаты? Ведь их нам чуть ли не с Килиманджаро привез Али... Сейчас я их возьму. Дай чем-нибудь распороть это чучело...» Что произошло со мной в ту минуту, я еще не знаю. Только я оглохла от собственного крика. Я представляла сейчас моего слепого слона, и чтобы

его защитить, я стала между ним и Ромулусом, посмотрела на висящий на стене кривой ятаган и совсем уже тихо сказала: «Если ты дотронешься до моего слона, я убью тебя и ее тоже». И побежала к вам.

Мадам Грюндель до сих пор говорила не подымая взгляда, уставившись в одну точку в пол. Закончив рассказ, она еще продолжала сидеть так, а потом подняла глаза и замерла. Миронов в спешке забыл затянуть занавес, и перед глазами мадам Грюндель оказалась та странная картина, о существовании которой он уже и забыл. Мадам Грюндель встала, подошла к картине вплотную, рассматривала, щурясь, а потом надела очки и расхохоталась. Перед Мироновым было совсем другое существо, не мадам Грюндель, не строгая и неприступная Лоретта, а девчонка, простое смеющееся личико, с которого исчезли все заботы и горести. Нет только заплетенных косичек, белых бантиков, накрахмаленного фартука школьницы.

— Вы посмотрите только, посмотрите! Это она нарисовала. Это очень талантливая польская художница, училась у вас в Ленинграде. Приезжала сюда по приглашению нашего шефа. Она победила на конкурсе по оформлению промышленного цеха, я работала с ней, она жила здесь. И говорила мне, что нарисует что-то фантастическое из жизни женщины. «Караул! Я хочу любви!» Подождите, она сказала, что посвятит эту картину мне. Должно быть что-то написано. Да, вот: «L. С.» Лоретта Карасева. Вот так все тут горит,— Лоретта показала на голову,— а остальное все онемело, атрофировалось. Да, товарищ Миронов, сейчас подъедет машина. Еще двадцать минут. Я успею сбегать вниз выпить пива. Хотите пива?— Она спросила из деликатности, зная, что Миронов наверняка откажется.— Ну тогда я побежала; через десять минут сюда зайдет носильщик за вашими вещами.— И она убежала, не дав Миронову сказать слова.

В машине она не разговаривала.

Город был таким же мрачным, как в день приезда Миронова. Состав стоял под высокой стеклянной крышей, но туман проникал и сюда. Господин Плеве попрощался у контрольного пункта, пожелал Миронову доброго пути и сказал, что до вагона его проводит и подождет отправления поезда мадам Грюндель. Миронов с похвалой отозвался о работе мадам Грюндель, сказал, что можно позавидовать фирме, у которой такие прилежные и внимательные работники. Он не забыл

упомянуть, что все эти дни мадам Грюндель работала по шестнадцать часов в сутки. Как он успел понять, фирма платила переводчицам по часовой сетке. Господин Плева ответил, что он весьма польщен и когда господин Миронов приедет в следующий раз, он постарается, чтобы с ним работала именно она.

— До свидания, господин Миронов, счастливого пути. Мы ждем вас еще. Мы хорошо поработали.— И господин Плева откланялся.

Мадам Грюндель удостоверилась, правильно ли оформлены билеты, посмотрела купе и, убедившись, что все в порядке, ушла, сказав при этом, что сейчас вернется,— до отправки поезда оставалось еще минут пятнадцать. Она тут же вернулась с небольшим пакетом и попросила Миронова не сердиться, если она утомила его своими длинными рассказами, своей болтовней. Сказала еще, что в пакете небольшой сюрприз, но Миронов должен набраться терпения и подождать, пока тронется поезд.

На вспотевшем стекле вагонного окна Миронов нарисовал веселую рожицу девочки с косичками и написал: «Лора хочет домой». Мадам Грюндель рассмеялась и что-то сказала, но Миронов не расслышал. Поезд тронулся. Состав набирал скорость, и за окном замелькали каменные громады с огненными глазами. А по нарисованной рожице широкими бороздами стекали капли. Потом зашел сосед по купе и стер со стекла и рожицу, и капли, и слова «Лора хочет домой».

А в памяти Миронова еще на долгое время осталась эта поездка и русская девушка из солнечной Гагры, ставшая вдали от своего дома и от своей родины мадам Грюндель. Он часто слышал ее мягкий голос и вспоминал ее ответ на вопрос: «Почему вы мне все это рассказываете?»—«Вы чужой человек,— ответила она,— вам от моей боли не больно. Но вы увезете частицу ее туда, домой, и мне станет легче здесь». Он вспомнил ее детский сюрприз — маленький тортик с весьма тонко выведенным сладким именем «Лоретта» и клочок бумаги, с которого глядит наивными глазами розовый слон с голубыми ушами. Ему иногда казалось, что она промелькнула в толпе на Калининском или на станции метро. В тот город часто ездили его коллеги, приезжали оттуда делегации, но Миронов никогда не спрашивал о мадам Грюндель.

Однажды Миронов на вопрос любопытного министерского чиновника, почему он не

просится в поездку на знаменитую фирму, с которой так плодотворно начал работать, ответил вопросом:

— А не найдется ли у вас розового слона с голубыми ушами?

Чиновник пожал плечами и, удивленный, попятился.

1975 г.